

УДК 904(479)

ОБ АРЕАЛЕ РАННЕАЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И АЛАНО-ГУННСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Т. А. Габуев

Государственный музей искусства народов Востока

В статье на основе анализа письменных и археологических данных устанавливается, что северная граница распространения раннеаланской культуры простиралась от г. Грозного на востоке до гг. Новопавловска и Георгиевска на севере. На это указывают многочисленные городища и курганные могильники, просуществовавшие со II в. н.э. до середины V в. н.э. Сведения письменных источников и данные археологии позволяют говорить о союзнических отношениях между аланами и гуннами.

Based on the analysis of written and archeological material, the author demonstrates in this article that the northern limit of the early Alan culture extended from Grozny in the East to Novopavlovsk and Georgievsk in the North-West. This is indicated by numerous fortified settlements and cemeteries, which existed from the 2nd century AD to at least the mid-5th. Information of the written sources and archaeological data may indicate an alliance between the Alans and the Huns.

Ключевые слова: Северный Кавказ; аланы; городища; курганы; катакомбы.

Keywords: the Northern Caucasus; the Alans; fortified settlements; kurgans; catacombs.

Раннеаланской культуре посвящено большое количество научных работ. Однако многие вопросы, в первую очередь связанные с ее происхождением и ареалом, еще ждут своего решения.

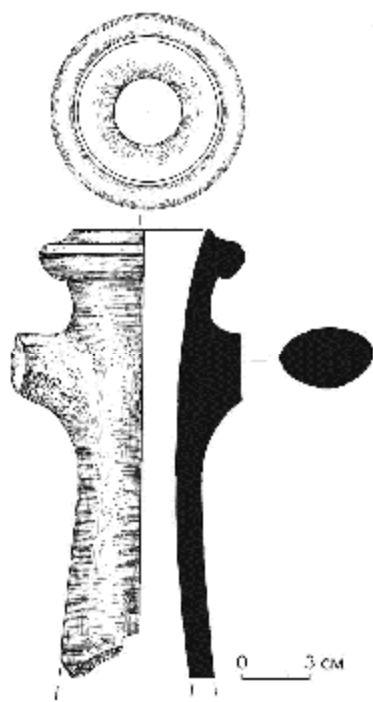
На протяжении многих десятилетий общепринятой являлась точка зрения, согласно которой аланы впервые появились на Кавказе в I в. н.э., но основной их приток на Северный Кавказ исследователи относили к IV в. н.э. и связывали это с разгромом алан гуннами. В дальнейшем в связи с раскопками грунтовых катакомбных могильников (Нижний Джулат, Подкумок и Чегем 2) завязалась дискуссия по вопросу о генезисе катакомбного обряда погребения, в которой наметились две основные точки зрения: 1) раннеаланские подкурганские катакомбы были привнесены на Северный Кавказ мигрантами-аланами (Т.А. Габуев) и 2) этот обряд сложился под воздействием двух факторов – северокавказской катакомбы, представленной в вышеназванных грунтовых могильниках, и курганной насыпи, привнесенной степняками-аланами (М.П. Абрамова). В дальнейшем последнюю точку зрения стал поддерживать В.Ю. Малашев.

В данной статье мы не будем касаться существующей дискуссии, поскольку вне зависимости от точек зрения на генезис раннеаланской культуры по основным ее характеристикам мнения исследователей совпадают. Остановимся на вопросе о границах распространения раннеаланской культуры, и в первую очередь о ее северной границе.

Существенным шагом в решении раннеаланской проблемы стали раскопки Зилгинского городища и принадлежащего ему Бесланского могильника, а также исследования Брутского городища и одноименного могильника в Северной Осетии [1, 2]. Исследования названных городищ выявили ранние слои, датированные II–IV вв. н.э., а могильники содержали курганы с Т-образными катакомбами, окруженными ровиками, самые ранние из которых относятся ко второй половине II в. н.э. Эти памятники, как и городище на южной окраине г. Владикавказа [3], фиксируют южную границу распространения раннеаланской культуры. Восточной границей можно считать городище и могильник Алхан-кала на окраине г. Грозного, а западной – ряд городищ в Кабардино-Балкарии, на которых также представлены материалы II–IV вв. н.э. (обзор см. [4]).

Что касается северной границы, то имеющиеся на правом берегу Терека в Моздокском районе Северной Осетии и на сопредельной территории Чечни два

подкурганых катакомбных могильника, расположенных соответственно у хут. Октябрьского и у с. Братское, и связанное с ними Братское городище считались наиболее северными памятниками распространения раннеаланской культуры. Упомянутые могильники датировались М.П. Абрамовой III–IV вв. н.э. [5], а на Братском городище, судя по подъемному материалу, имелись слои как раннесредневекового, так и сарматского времени [6]. Там же, в Моздокском районе, но несколько западнее этих памятников, расположено Киевское городище, отнесенное В.А. Кузнецовым к догуннскому периоду [7]. Переданный автору этих строк в 2004 г. жителями ст. Киевская фрагмент светлоглиняной амфоры типа С позволяет уточнить дату этого городища (см. рисунок). По мнению Д.В. Деопика, амфоры этого типа следует датировать серединой – третьей четвертью II в. н.э. Поскольку этот фрагмент происходит с периферии городища, а не из центральной его части, где должны быть представлены ранние его слои, то и предварительно определять нижнюю хронологическую границу городища в целом можно временем более ранним, чем середина II в. н.э.. Но, конечно же, для определения датировки и этнокультурной атрибуции этого интересного памятника требуются археологические раскопки.

Фрагмент амфоры из Киевского городища
(подъемный материал)

К северо-западу от Моздокской степи раннеаланские памятники были выявлены на юге Ставропольского края. Анализ аэрофото- и космосъемки, а также визуальные наблюдения выявили серию городищ в районе городов Новопавловска и Георгиевска [8]. В 2006 и 2007 гг. в районе г. Новопавловска на могильнике аланского городища Пегушин 1 Северо-Осетинским отрядом Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ под руководством автора было раскопано несколько курганов, относящихся как к раннему периоду (рубеж II–III – первая половина III в.), так и к гуннскому времени (первая половина V в.).

Если сопоставить две группы памятников, расположенных соответственно в Северной Осетии (городище Брут и принадлежащие ему могильники Брут 1 и Брут 2) и в Ставрополье (городище Пегушин 1 и его могильник), то мы получим картину удивительного их этнокультурного сходства.

Могильник, относящийся к городищу Брут, можно разделить на два участка, разделяющиеся наблюдаемыми чертами и деталями погребальных конструкций и обряда: 1 – подкурганые катакомбы с

ровиками, но без выраженных насыпей, и грунтовые катакомбы, суммарно датированные периодом от второй половины II в. до рубежа VI–VII вв. (могильник Брут 2); 2 – курганный катакомбный могильник, относящийся к первой половине – середине V в., в котором катакомбы фиксировались под видимыми насыпями, но не имели ровиков (могильник Брут 1). Если могильник Брут 2 расположен непосредственно у городища, то могильник Брут 1 находится к юго-востоку от городища, изолированно.

Аналогичную картину мы наблюдаем и на памятнике Пегушин 1. Здесь к городищу также примыкали подкурганые катакомбы с ровиками, но без выраженных насыпей, и грунтовые катакомбы, суммарно датированные временем с конца II в. н.э. и до середины V в., а курганный катакомбный могильник с насыпями без ровиков, относящийся к первой половине V в. также располагался изолированно. Различие состоит в том, что, если подкурганые катакомбы Брута 2 имели по большей части ровики округлые, то на могильнике Пегушин 1 они прямоугольные в плане.

Сопоставление конструкций и вещевого, в первую очередь керамического, комплекса катакомб этих двух районов позволяет отнести данные памятники к одной культуре, а Пегушин 1 и аналогичные и синхронные ему памятники на Ставрополье на настоящий момент можно считать самой северной окраиной территории распространения раннеаланской культуры.

Как видно, ареал раннеаланской культуры охватывает огромную территорию от района

г. Грозного на востоке, Дарьяльского перевала на юге, равнинных районов Кабардино-Пятигорья на западе и городов Георгиевска и Новопавловска на севере. Эта культура представлена многочисленными земляными городищами (Алхан-кала, Киевское, Зилги, Брут, Пегушин 1 и др.), иногда достигающими площади 1.5 кв. км, окруженными колоссальными катакомбными курганными могильниками, насчитывающими много тысяч курганов. В Центральном Предкавказье в основных своих чертах эта культура складывается к середине II в. н.э. Основные слои городищ относятся ко II–IV вв. н.э. Этим же временем датируется и основная масса курганов раннеаланской культуры.

До какого времени на указанной территории просуществовала эта культура? Ответ на этот вопрос важен, так как он затрагивает ряд проблем аланской истории в период Великого переселения народов и, в частности, взаимоотношения алан с гуннами. Рассмотрим этот вопрос.

Информация, которой мы сейчас располагаем, не полна. Ни один из раннеаланских могильников не раскопан полностью, и мы не можем знать, сколь интенсивно продолжалась жизнь на аланских городищах в гуннский и постгуннский периоды. На некоторых городищах имеются слои, по крайней мере, там, где об этом можно судить (Зилги, Алхан-кала, Нижний Джулат), относящиеся к раннесредневековому времени [9, 10]. На городище Брут, помимо подъемного материала, выявлена и серия подкурганных катакомб гуннского (IV–V вв.) и даже две катакомбы раннесредневекового времени (VI–VII вв.) [11]. А на могильнике Пегушин 1 имеется серия катакомб, также относящихся к гуннскому времени. Таким образом, мы можем констатировать, что в гуннский период (конец IV – середина V в.) аланы продолжают занимать те же земли, что и раньше.

В решении вопроса о взаимоотношениях алан с гуннами особенно важны материалы северной и северо-восточной групп памятников раннеаланской культуры – городища на юге Ставропольского края и могильник Пегушин 1 – и раннесредневековые слои городища Алхан-кала. При существенной военной экспансии гуннов на земли алан эти северный и северо-восточный форпосты раннеаланской культуры были бы подвергнуты нападению и уничтожены в первую очередь. То же мы можем сказать и о территориях, непосредственно примыкающих к Дарьяльскому проходу, через который гунны совершали свои походы в Закавказье в 20-е и 50-е годы V в. Материалы городищ и могильников Брут и Зилги свидетельствуют, что до середины V в. здесь находилась мощная аланская группировка, вряд ли разгромленная гуннами.

Аммиан Марцеллин (IV в.) так описывает столкновение алан с гуннами в 370-х годах: «... гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с гревтунгами (остроготами. – Т.Г.) и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрманариха...» [12]. Таким образом, столкновение гуннов произошло с группировкой алан-танаитов, обитавших в низовьях Танаиса (Дона). Не преуменьшая степень серьезности поражения этих алан, следует иметь в виду, что разгром не носил тотального характера, поскольку в последующих событиях Аммианом Марцеллином и многими другими автором аланы в Восточной и Западной Европе упоминаются неоднократно.

О пребывании гуннов на Северном Кавказе свидетельствуют события 395 г. Высший сановник восточной части Римской империи Флавий Руфин (ок. 335–395), составив заговор против императора Аркадия, призвал гуннов себе на помощь и направил их в Малую Азию и Сирию через Кавказ [13]. Об этом нам сообщают три современника этих событий. Римский поэт Клавдий Клавдиан (375–404) пишет, что в событиях приняли участие гунны, которые живут «...на крайнем востоке Скифии за ледяным

Танаисом» и вторжение происходило «по нежданному пути через Каспийские ворота и армянские снега» [14]. Об этих событиях свидетельствуют также современники тех событий Евсевий Иероним (ок. 340–420) и Филосторгий (ок. 365 – ок. 439). И если Евсевий Иероним подтверждает факт вторжения через Кавказ, не называя конкретную территорию, через которую оно проводилось [15], то Филосторгий указывает, правда косвенно, на то, что вторжение происходило через восточную часть Кавказа [16].

Известно, что после ухода одной части гуннов на запад другая их часть осталась в Каспийско-Азовском междуморье, Причерноморье и в Предкавказье. То, что поход на восточные провинции Рима производился через Каспийские ворота, ничего не говорит нам о характере взаимоотношений гуннов с аланами. Мы можем только констатировать, что гуннам была подвластна или ими контролировалась равнинно-предгорная часть Северо-Восточного Кавказа.

Что касается алан Северного Кавказа, то события, связанные с их взаимоотношениями с гуннами, относятся к первой половине V в., и повествует нам о них Приск Панийский (V в.). Этот автор в 448 г. побывал в ставке гуннского вождя Аттилы (ум. 453) в составе константинопольского посольства. Во время этой миссии Приск из разговора с послом из Рима по имени Ромул узнал, что Аттила, стремясь расширить свои владения, желает совершить вторжение в Персию. Ромул сообщил Приску, что гунны «уже давно делали вторжение в Мидию» и привел эпизод, когда «... пришли ... в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов (имеются в виду гунны. – Т.Г.), предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза. ... они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятеля, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы, отправившись оттуда ... прибыли на родину» [17].

Общепринято считать, что описанное вторжение гуннов в Мидию происходило через Главный Кавказский хребет, по всей видимости, через Дарьяльский проход, и под обратной «другой дорогой», по которой возвращались гунны и пролежавшей мимо «пламени, поднимавшегося из подводной скалы», следует понимать путь вдоль западно-каспийского побережья через нефтеносные районы Апшеронского полуострова.

Когда точно происходили эти события, в источнике не сообщается, в тексте говорится лишь о том, что гунны «уже давно делали вторжение», т.е. задолго до 448 г., когда посольство Приска прибыло в стан Аттилы. А.В. Гадло считал, что поход этот можно отнести к 430-м годам, т.е. до создания персами при шаханшахе Иездигерде II (438–457) системы укреплений на западном побережье Каспийского моря [18]. А.Г. Фурасьев, проанализировав сообщение Приска и сопоставив его с политическими реалиями первой половины V в., пришел к справедливому, на наш взгляд, заключению, что этот поход относится к 421 г. [19].

Еще один автор V в., армянский историк Егишэ также пишет о вторжении гуннов в Закавказье. Описывая восстание царя Албании Ваче против персов в начале правления шаханшаха Пероза (458–484), Егишэ сообщает, что персы «... ни силой, ни любовью не смогли привести к согласию (с восставшими. – Т.Г.), – отправили огромные сокровища в страну Хайландуров, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из *h*Онов и сражались один год с царем Албании. Хотя и поколебалось и рассеялось его войско от *h*Онов, но его не смогли покорить» [20]. В *h*Онах мы без труда узнаем гуннов, и их же, если обратиться еще к двум пассажам сочинения Егишэ [21], мы видим под наименованием хайландуры, хотя многие исследователи полагают, что под этим этнонимом скрываются аланы. Возможно, под термином хайландуры следует понимать наименование или племенной, или правящей группы гуннов.

И последнее интересующее нас сообщение относится ко времени правления картлийского царя Вахтанга Горгасала (сер. V – нач. VI в.). Сведения об этом мы находим в «Жизни Вахтанга Горгасала» Джуаншера Джуаншеряни (XI в.), входящей в свод грузинских хроник «Картлис Цховреба»: «В пору, когда Вахтангу исполнилось десять лет, явились бесчисленные войска овсов и полонили от берегов Куры до Хунани, разорили просторы да заняли укрепленные города, за исключением Каспи. Город же Каспи захватили и сокрушили, увели сестру Вахтанга Мирандухт – девочку трех лет ... прошли Ворота Дарубанда, ибо сами дарубандцы указали им [этот] путь, и затем вернулись в Овсети победителями. В ту пору появились греки в Абхазии ... захватили земли от Эгрис-Цхали до Цихе-Годжи ...» [22].

Проанализировав это сообщение и сопоставив его с данными Егишэ, А.В. Гадло пришел к выводу, что, скорее всего, грузинский и армянский источники сообщают об одном и том же событии. Указание в грузинском источнике на время вторжения овсов, совпавшее по времени с вторжением греков в Абхазию, о котором сообщает также и Приск Панийский, удостоверяет приблизительно одно и то же время, т.е. вторую половину – конец 450-х гг. [23]. В данном случае несоответствие грузинского и армянского источников об инициаторах вторжения (в одном случае это гунны, в другом – овсы-аланы) объясняется, скорее всего, тем, что здесь мы имеем дело с исторической ретроспекцией – грузинская хроника была написана в XI в., когда реальных гуннов на Кавказе уже не было, но существовала Алания, которая, по представлению Джуаншера, и должна была выступить инициатором этого вторжения в Картли.

Итак, мы имеем несколько сообщений о походах гуннов в Закавказье. Все они относятся к разным периодам гуннской эпохи. Первый поход был совершен в 395 г., вероятно, по Прикаспийскому пути и не затронул алан Центрального Кавказа. Два последующих похода, состоявшихся в 20-е и 50-е годы V в., проходили через Дарьял. На основе анализа приведенных письменных источников можно строить определенные догадки. Так, обращает на себя внимание тот факт, что письменные источники не повествуют о вооруженных столкновениях гуннов и центрально-кавказских алан в это время. А вторжения гуннов на Южный Кавказ в V в. через Дарьяльский проход (Аланские ворота), т.е. через земли собственно алан, могут указывать на какие-то договорные или союзнические отношения алан и гуннов. Здесь позволим себе обратиться к археологическим материалам, и в первую очередь к элитным аланским курганам у с. Брут в Северной Осетии, которые могут в определенной степени пролить свет на алано-гуннские взаимоотношения.

В брутском кургане № 2, датированном серединой – началом третьей четверти V в. н.э. и принадлежавшем представителю высшей воинской аристократии, в тайнике обнаружено скопление драгоценных престижных предметов, выступающих социальными маркерами – меч с золотыми обкладками ножен и рукояти (вероятно, иранского/сасанидского происхождения), кинжал, рукоять нагайки, подвеска от меча, оголовье конской уздечки, пряжки и наконечники ремней, составляющие как поясной, так и обувной гарнитуры. Все предметы сделаны из золота или золотого листа и инкрустированы гранатовыми вставками, окаймленными зернью, что демонстрирует самый высокий социальный статус погребенного [24]. При отсутствии фактов, указывающих на местное производство этих предметов, их следует рассматривать, на наш взгляд, как дипломатические дары. А имело ли смысл вручать их правителям покоренных территорий, если примем мнение о покорении гуннами центрально-кавказских алан? Очевидно, нет. Сам факт наличия такого богатства, какое мы обнаруживаем в кургане № 2, с одной стороны, указывает на прижизненное могущество его владельца, с другой – косвенно демонстрирует высокий военно-политический авторитет, которым обладал он на кавказской международной арене.

Отвечая на вопрос о том, от кого могли поступать эти дары правителям алан, мы можем строить только предположения. Если соотнести их наличие с вторжениями гуннов в середине V в., то они вполне могли быть «платой» за беспрепятственный проход последних в Закавказье. Вместе с тем они могут выступать материальным воплощением установления союзнических отношений между

гуннами и аланами. С другой стороны, эти царского облика наборы предметов (оружие, конская узда, пояс, обувь) могли быть частью тех «огромных сокровищ», которые персы, согласно вышеприведенной информации Египта, отправили в страну хайландуров, тем самым открыв Аланские ворота и получив дополнительную военную помощь в лице многочисленного гуннского войска, оказавшего помощь шаханшаху Перозу в борьбе с восставшим албанским царем Ваче.

На возможную правильность такого предположения может указывать не только хронологическое соответствие кургана № 2 и описанных событий, но и наличие в комплексе уникального меча с золотыми обкладками и с длинной рукоятью. Подобные рукояти являются характерной особенностью восточных мечей от Ирана до Китая. Но территорией, с которой этот вид оружия мог попасть аланам, является именно Сасанидский Иран. Рассматривать эту вещь как изделие восточно-римское или, скажем шире, западное мы не можем – мечи с такими рукоятями для этих территорий не характерны. Еще одним указанием на то, что этот дар и другие предметы могли поступить к аланам из Ирана, является ювелирный стиль, в котором эти вещи выполнены. Не останавливаясь на этом вопросе, отметим только, что сочетание на одном предмете перегородчатой инкрустации (стиль «клуазоне»), зерни и гранатовых вставок в отдельно напаянных гнездах, указывает скорее на их иранское, чем на «западное» происхождение.

В завершение подчеркнем, что наличие функционировавших городищ и могильников по северной и северо-восточной границе распространения раннеаланской культуры указывает на то, что в гуннский период аланы продолжали занимать те же земли, что и в предшествующее время. А наличие драгоценных находок в княжеских аланских курганах говорит об их полной или относительной политической самостоятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.
2. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
3. Кузнецов В.А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе, 1980. С. 65–66.
4. Малашев В.Ю. Указ. соч.
5. Абрамова М.П. Катакомбные погребения IV–V вв. из Северного Кавказа // Сов. археология. 1975. № 1. С. 27.
6. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР // Тр. Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Вып. X. Грозный, 1966. С. 123.
7. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 40–41.
8. Выражаю искреннюю благодарность директору ГУП «Наследие», канд. ист. наук А.Б. Белинскому (г. Ставрополь) за предоставленную информацию.
9. Малашев В.Ю. Указ. соч. С. 489.
10. Гавритухин И.О. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. С. 482–486.
11. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда... С. 459–461.
12. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 75–76.
13. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 17–18.
14. Клавдий Клавдиан. На Руфина, книга I, книга II // В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестн. древней истории. 1949. № 4. С. 253–254.
15. Евсевий Иероним. Письмо 60. К Гелиодору // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вестн. древней истории. 1949. № 4. С. 228.
16. Филосторгий. Церковная История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестн. древней истории. 1948. № 3. С. 282.
17. Приск Панийский. Готская История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестн. древней истории. 1948. № 4. С. 257.
18. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 50. М.И. Артамонов соотносил этот поход с вторжением гуннов в малоазийские провинции в 395 г. (Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 53–54).

19. Фурасьев А.Г. Закавказский поход (или походы?) гуннов в конце IV – начале V века н.э. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990). СПб., 2004. С. 92–103. См. также мнение И.Г. Семенова о датировке этого похода 441 г.: Семенов И.Г. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. С. 15.

20. Египшэ. О Вардане и войне армянской / пер. с древнеарм. акад. И.А. Орбели; подгот. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. Ереван, 1971. С. 170.

21. Там же. С. 31, 127.

22. Сведения из «Жизни Вахтанга Горгасала» // Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 81.

23. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 45.

24. Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. Государственный музей искусства народов Востока. М., 2005. С. 34–38.

Поступила в редакцию 20.06.2011 г.

Принята к печати 23.12.2011 г.